DOI: 10.17803/2542-2472.2025.34.2.064-072

РАКУРС

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Мамиева Илона Таймуразовна,
соискатель кафедры экологического и природоресурсного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
itmamieva@msal.ru

© Мамиева И. Т., 2025

Аннотация. *Глобальное изменение климата представляет собой одну из ключевых угроз для экосистем, экономики и социальной стабильности, что делает обеспечение климатической безопасности стратегическим приоритетом государственной политики. Это особенно актуально для России, где темпы потепления значительно превышают среднемировые показатели. Таяние вечной мерзлоты, учащение лесных пожаров, экстремальные осадки и другие последствия создают серьезные мультипликативные риски для инфраструктуры, сельского хозяйства и энергетического сектора. Целью работы является всесторонний анализ правовых механизмов обеспечения климатической безопасности в России, выявление пробелов в регулировании. В статье рассматриваются эколого-правовые аспекты климатической безопасности в Российской Федерации, анализируются международные и национальные механизмы регулирования, раскрывается содержание понятия климатической безопасности как комплексной междисциплинарной категории, объединяющей экологические, социально-экономические и геополитические аспекты. Особое внимание уделено анализу эколого-правовых основ климатической безопасности, включая эволюцию международного климатического права и поэтапное развитие российского законодательства в данной сфере. Систематизированы ключевые принципы эколого-правового регулирования климатической безопасности и исследованы различные методы правового регулирования. Рассматриваются как традиционные административные инструменты (запреты и ограничения), так и современные экономические стимулы, углеродное налогообложение и инновационные рыночные механизмы. Сделан вывод о необходимости комплексного системного подхода, интегрирующего перечисленные принципы и методы для эффективного противодействия климатическим угрозам и обеспечения устойчивого низкоуглеродного развития России в условиях глобальных изменений климата. В заключение сформулированы конкретные рекомендации по усилению климатической политики, включая поэтапное введение углеродного налога, развитие международного технологического сотрудничества и расширение механизмов общественного контроля.*

Ключевые слова: *климатическая безопасность; изменение климата; экологическое право; углеродная нейтральность; климатическая политика; адаптация; снижение выбросов; устойчивое развитие.*

LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING CLIMATE SECURITY IN RUSSIA: CONTEMPORARY CHALLENGES AND WAYS FOR IMPROVEMENT

Ilona T. Mamieva,
Postgraduate Student, Department of Environmental and Natural Resource Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation
itmamieva@msal.ru

Abstract. *Global climate change represents one of the key threats to ecosystems, economies, and social stability, establishing climate security as a strategic priority for state policy. This issue is especially pertinent for Russia, where the rate of warming significantly exceeds the global average. Permafrost thawing, increasing frequency of forest fires, extreme precipitation events, and other consequences create serious multiplicative risks for infrastructure, agriculture, and the energy sector. The aim of this study is to conduct a comprehensive analysis of the legal mechanisms for ensuring climate security in Russia and to identify regulatory gaps. The study examines the ecological and legal aspects of climate security within the Russian Federation, analyzing both international and national regulatory frameworks. It elaborates on the concept of climate security as a complex interdisciplinary category that integrates ecological, socio-economic, and geopolitical dimensions. Particular attention is given to analyzing the ecological and legal foundations of climate security, including the evolution of international climate law and the gradual development of Russian legislation in this area. The author systematizes the key principles of ecological and legal regulation of climate security and examines various legal regulatory methods. Both traditional administrative tools (prohibitions and limitations) and contemporary economic incentives, such as carbon taxation and innovative market mechanisms, are considered. The study concludes that a comprehensive systemic approach is necessary, integrating the aforementioned principles and methods to effectively counteract climate threats and ensure sustainable low-carbon development in Russia amid global climate changes. Finally, specific recommendations are formulated to enhance climate policy, including the phased introduction of a carbon tax, the development of international technological cooperation, and the expansion of public oversight mechanisms.*

Keywords: *climate security; climate change; environmental law; carbon neutrality (net-zero); climate policy; adaptation; emissions reduction; sustainable development.*

Глобальное изменение климата создает беспрецедентные риски для экосистем, экономики и общества, что ставит задачу обеспечения климатической безопасности в число приоритетных направлений государственной политики.

Климатическая безопасность подразумевает защиту жизненно важных интересов человечества и окружающей среды от негативных последствий климатических изменений. Достижение этой цели невозможно без надлежащего правового регулирования на международном и национальном уровнях. Международное сообщество разработало правовые механизмы для противодействия климатическим угрозам, которые служат ориентиром для национальных законодательств.

Для Российской Федерации, обладающей обширной территорией и разнообразными климатическими зонами, вопрос климатической безопасности имеет особую значимость, так как глобальное изменение климата оказывает значительное воздействие на территорию страны, где темпы потепления в последние десятилетия существенно опережают среднемировые показатели[1]. Согласно данным Росгидро-

[1] Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути / Т. Митрова, А. Хохлов, Ю. Мельников, А. Пердеро, М. Мельникова, Е. Залюбовский. М. : Центр энергетики Московской школы управления «Сколково», 2020.

мета, в отдельных арктических регионах аномалии среднегодовой температуры достигают +4 °C, а скорость роста средней по России среднегодовой температуры в период 1976–2023 гг. составила 0,5 °C за каждые прошедшие 10 лет[2], что влечет за собой комплекс экологических и социально-экономических последствий.

Среди основных проблем можно выделить следующие:

— таяние мерзлых грунтов приводит к разрушению инфраструктуры (зданий, трубопроводов, дорог), увеличивая риски аварий и затраты на ремонт. В долгосрочной перспективе это может спровоцировать масштабные выбросы метана и CO_2 из оттаивающих почв, что усугубит парниковый эффект;
— учащение лесных пожаров, особенно в сибирских регионах. Пожары не только уничтожают значительные лесные массивы, но и сами становятся источником выбросов CO_2. В отдельные годы эмиссия от пожаров в России сопоставима с годовыми выбросами промышленных стран;
— учащение случаев экстремальных осадков, наводнений и засух. В южных регионах, таких как Ставропольский край, Ростовская область, продолжительные засушливые периоды уже приводят к снижению урожайности зерновых культур, что создает риски для продовольственной безопасности. Одновременно в других районах рост интенсивности осадков увеличивает нагрузку на инфраструктуру, вызывая разрушение дорог и мостов;
— сокращение ледового покрова, дестабилизация грунтов и увеличение штормовой активности угрожают объектам нефтегазовой отрасли и транспортным коридорам, включая Северный морской путь.

Эти процессы формируют мультипликативный эффект для экономики: рост затрат на адаптацию инфраструктуры, снижение продуктивности сельского и лесного хозяйства, увеличение расходов на ликвидацию последствий ЧС. При этом климатические изменения носят неравномерный характер, требуя дифференцированных мер реагирования с учетом региональной специфики.

Таким образом, Россия сталкивается с необходимостью комплексной адаптации, сочетающей технологические решения (модернизацию инфраструктуры, внедрение климатически устойчивых сельскохозяйственных практик) и развитие нормативно-правовой базы для управления рисками. Если игнорировать климатические проблемы, то это грозит долгосрочными негативными последствиям для экономической стабильности и климатической безопасности страны.

Под климатической безопасностью понимается состояние защищенности общества, экосистем и государства от опасных климатических изменений, достигаемое через систему мер по снижению климатических рисков и адаптации к меняющемуся климату. Изначально категория климатической безопасности формировалась в русле исследований по экологической безопасности, однако в последнее десятилетие она приобрела самостоятельное значение в научном и прикладном дискурсе.

Эволюция подходов к определению климатической безопасности отражает многогранность данной категории. С точки зрения национальной безопасности климатическая безопасность рассматривается как защита жизненно важных интересов государства, его населения, инфраструктуры и экономики от климатических угроз (экстремальные погодные явления, поднятие уровня моря, таяние вечной мерзлоты и пр.). В этом подходе акцент делается на способности государства сохранять устойчивое функционирование своих институтов и территорий при меняющемся климате, минимизируя ущерб для населения и экономики.

Другой ракурс — экосистемный подход, где климатическая безопасность связывается со стабильностью природных систем. Здесь она определяется как поддержание глобальных и региональных климатических параметров в пределах, не превышающих адаптационные возможности экосистем. Иначе говоря, безопасность достигается, когда скорость и масштаб климатических изменений не приводят к необратимому нарушению экосистемного равновесия и утрате биоразнообразия.

[2] Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2024 год (Росгидромет). М., 2025.

Данный подход подчеркивает необходимость охраны природных экосистем (лесов, тундры, болот и т.д.), которые выступают естественными поглотителями парниковых газов и буфером против климатических потрясений.

В рамках социально-экономического подхода климатическая безопасность трактуется как способность экономики и общества развиваться в условиях изменяющегося климата без существенного ущерба для благосостояния граждан и устойчивости хозяйственной деятельности. При этом учитывается уязвимость социальных систем: регионы и группы населения с разным уровнем развития и доступом к ресурсам по-разному страдают от климатических последствий. Отсюда вытекает и важность климатической справедливости — равноправного доступа к ресурсам для адаптации и справедливого распределения бремени климатических действий между странами и социальными группами.

Международное климатическое право служит фундаментом для национальных мер по обеспечению климатической безопасности. Ключевым документом стало принятие в 1992 г. Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). Эта конвенция впервые в мировом масштабе признала проблему антропогенных изменений климата и поставила цель — стабилизировать концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, предотвращающем опасное воздействие на климатическую систему. В РКИК ООН закреплен принцип «общей, но дифференцированной ответственности»: все государства отвечают за состояние климата, но вклад и возможности у них различаются, поэтому развитые страны берут на себя более серьезные обязательства. В развитие Конвенции был принят Киотский протокол (1997 г.), установивший количественные обязательства по сокращению выбросов для индустриально развитых и некоторых переходных экономик. Киотский протокол ввел инновационные механизмы — торговлю квотами на выбросы, совместное осуществление проектов, механизм чистого развития — призванные экономически стимулировать снижение глобальных выбросов.

Новый этап международного климатического режима ознаменовал Парижское соглашение 2015 г., к которому присоединилась и Россия. Парижское соглашение перешло к всеохватывающей модели участия: все страны сами определяют и заявляют свои цели снижения выбросов (национально определяемые вклады, NDCs), стремясь удержать глобальное потепление значительно ниже 2 °C (стремясь к 1,5 °C). Соглашение базируется на цикле из пяти лет: страны регулярно обновляют свои обязательства, отчеты и проходят глобальную оценку прогресса. Важно, что Парижское соглашение подчеркнуло неразрывную связь климатических действий и целей устойчивого развития, а также закрепило права общественности на доступ к информации и участие в климатической политике. Но, хотя Парижское соглашение предусматривает гибкие обязательства, его эффективность зависит от добросовестности стран. Например, многие развитые государства не выполняют свои финансовые обязательства по поддержке развивающихся стран.

Российская Федерация принимает участие в глобальной климатической повестке с 1990-х гг. Первый этап (1990-е — начало 2000-х гг.) характеризовался интеграцией международных обязательств, включая ратификацию РКИК ООН (1994) и Киотского протокола (2004), а также принятием базовых экологических законов, заложивших основу регулирования воздействия на атмосферу. Однако тогда меры носили скорее реактивный, чем системный характер.

На втором этапе (конец 2000-х — 2010-е гг.) произошло формирование национальной климатической политики, ключевым моментом которого стало утверждение Климатической доктрины РФ (2009). Она определила риски изменения климата и обозначила направления деятельности — сокращение выбросов и адаптацию экономики. В 2014 г. Россия взяла добровольные обязательства ограничить выбросы к 2020 г. не выше 75 % от уровня 1990 г.

Третий этап (конец 2010-х — настоящее время) связан с формированием специального законодательства. В 2019 г. Россия ратифицировала Парижское соглашение, а в 2021 г. приняла первый профильный закон об ограничении выбросов парниковых

газов[3], включающий систему углеродной отчетности и механизмы стимулирования проектов по поглощению и сокращению выбросов. Также утверждена Стратегия низкоуглеродного развития до 2050 г. с целью достижения углеродной нейтральности к 2060 г.[4] Обновленная Климатическая доктрина (2023)[5] закрепила новые принципы климатической политики, учитывая геоэкономические риски, включая механизм углеродного регулирования ЕС (CBAM).

Несмотря на принятие закона о выбросах, многие компании формально подходят к отчетности, а механизмы контроля остаются слабыми. Кроме того, ограничение доступа к западным технологиям замедляет переход на низкоуглеродные решения, что требует ускоренного развития собственных «зеленых» технологий.

Эффективность правовых мер в области климатической безопасности зависит от их соответствия фундаментальным принципам экологического права, адаптированным к климатической сфере. Основными являются принцип предосторожности, устойчивого развития, «загрязнитель платит», дифференцированной ответственности и участия общественности.

Принцип предосторожности (превентивности) подразумевает необходимость действовать заранее, не дожидаясь полной научной уверенности относительно последствий изменения климата. Несмотря на существующие неопределенности, уже сейчас требуется принимать меры по сокращению выбросов и адаптации к изменениям климата, так как последствия потепления могут оказаться необратимыми и масштабными. В российском законодательстве принцип предосторожности отражен через введение целевых показателей по выбросам, системы мониторинга и климатических проектов, что демонстрирует постепенную адаптацию этого подхода.

Принцип устойчивого развития направлен на удовлетворение потребностей нынешнего поколения без ущерба для будущих, сочетая экономические, социальные и экологические интересы. Для России устойчивое развитие предполагает снижение углеродоемкости экономики, внедрение зеленых технологий и обеспечение социальной стабильности в условиях климатических изменений. Данный принцип закреплен в Экологической доктрине и отражен в Стратегии низкоуглеродного развития до 2050 г., где климатические цели интегрируются в долгосрочные планы экономического роста и социальной политики.

Принцип «загрязнитель платит» предусматривает экономическую ответственность за негативное воздействие на климат. Международная практика использует углеродный налог и систему торговли выбросами, которые создают финансовый стимул к снижению эмиссий. В России отсутствует единая система углеродного налога и применение этого принципа находится на начальном этапе: федеральный закон 2021 г. ввел систему углеродной отчетности и добровольные механизмы климатических проектов, а эксперимент в Сахалинской области запускает региональный рынок углеродных квот и механизм налогообложения выбросов, что должно было послужить основой для дальнейшего внедрения принципа на национальном уровне. Однако эксперимент на Сахалине пока не дает ожидаемых результатов из-за низких цен на квоты.

Внедрение принципа «загрязнитель платит» сталкивается с рядом проблемных вопросов. Во-первых, установление справедливой цены на углерод — она должна быть достаточно высокой, чтобы стимулировать сокращение выбросов, и одновременно не чрезмерной, чтобы не подорвать конкурентоспособность экономики. Во-вторых, требуется координация с международными усилиями: разрозненные национальные системы цен на углерод создают риск «утечки», когда компании

[3] Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

переносят производство в страны с более мягким регулированием. Поэтому важны соглашения или механизмы регулирования трансграничной торговли (пример — обсуждаемый механизм CBAM ЕС, призванный взимать плату с импорта по углеродному содержанию продукции). В-третьих, существует проблема распределенной ответственности: конкретные негативные последствия изменения климата (например, ураган, наводнение) трудно юридически привязать к выбросам отдельного завода или даже страны, что усложняет прямое возмещение ущерба.

Принцип общей, но дифференцированной ответственности и принцип справедливости. Как отмечалось, международный режим борьбы с изменением климата изначально строился на признании того, что исторический вклад развитых стран в накопленные выбросы намного выше, а экономические возможности несравнимо шире, чем у развивающихся стран. Поэтому РКИК ООН (ст. 3) закрепила принцип, согласно которому и ответственность, и возможности по предотвращению климатических угроз распределяются дифференцированно. Для России, будучи страной с переходной экономикой, этот принцип позволял взять на себя умеренные обязательства (в Киото — не превышать уровень выбросов 1990 г., что было достижимо ввиду экономического спада 1990-х). В условиях Парижского соглашения дифференциация проявляется более гибко — каждая страна сама определяет свой вклад, но ожидается, что развитые государства окажут финансовую и технологическую поддержку менее развитым для их участия в общем деле.

Дифференцированный подход на национальном уровне может отражаться в том, что внутри страны крупные компании и энергетически интенсивные секторы несут бóльшую нагрузку по сокращению выбросов, чем мелкий бизнес или население. Это проявление принципа справедливого распределения усилий — когда более сильные и ресурсно обеспеченные субъекты берут бóльшую долю обязательств. Кроме того, справедливость касается распределения последствий климатической политики: например, введение углеродного налога не должно непропорционально затронуть малоимущие слои (иначе нарушится социальная справедливость). Государство, проводя климатическую политику, должно предусматривать механизмы компенсации или поддержки для уязвимых групп, чтобы переход к низкоуглеродной экономике был «справедливым переходом».

В целом принципы дифференцированной ответственности и климатической справедливости в национальном контексте означают необходимость балансировать климатические меры с задачами социального развития. Например, усилия по сокращению выбросов в энергетике должны сопровождаться программами переобучения персонала углеродоемких отраслей, поддержкой занятости, развитием новых производств — чтобы не происходило социального шока. В международном плане Россия придерживается позиции о недопустимости использования климатической риторики для ограничения суверенного развития государств.

На практике пока климатическая политика в России формируется «сверху вниз» — ключевые решения принимаются государственными органами и крупными компаниями, тогда как роль общественности ограничена экспертными обсуждениями или консультативными органами. Тем не менее зарождается практика публичного раскрытия климатической информации: всё больше компаний публикуют отчеты в сфере устойчивого развития (ESG), где отражают и выбросы парниковых газов; на национальном уровне создается государственная система учета выбросов, данные из которой планируется частично открывать. Регионы, разрабатывая планы адаптации, нередко проводят общественные обсуждения, чтобы выявить местные проблемы (например, обеспечение питьевой водой, защита от паводков) и пути их решения совместно с населением.

Внедрение принципа прозрачности также связано с необходимостью климатического просвещения. Недостаток знаний о климатических угрозах среди широких масс населения может тормозить принятие необходимых мер — люди не склонны поддерживать то, значимость чего не осознают. Поэтому повышение климатической грамотности, включение тем изменения климата в образовательные программы,

популяризация научно обоснованной информации — важнейшие элементы политики. Климатически информированное общество лучше воспринимает реформы (например, в энергетике или транспорте), даже если они требуют каких-то издержек в настоящем, понимая их необходимость для будущего благополучия.

В итоге принципы участия и прозрачности обеспечивают легитимность и результативность эколого-правового регулирования. Для обеспечения климатической безопасности требуется долгосрочное общественное согласие на реализацию климатической политики, а добиться этого можно лишь при условии открытости государственных действий и вовлечения граждан в общие усилия. В перспективе, российскому законодательству предстоит учесть эти принципы более полно — возможно, через закрепление права доступа к информации о климате и выбросах, создание публичных реестров данных, институционализацию общественного мониторинга исполнения климатических стратегий.

Для достижения целей климатической безопасности государство использует разнообразные методы правового регулирования — от директивных запретов до экономических стимулов и информационных кампаний. Комбинация различных методов позволяет, с одной стороны, ограничить наибольшие источники угроз для климата, а с другой — мотивировать участников хозяйственной деятельности добровольно двигаться к низкоуглеродным моделям. В системе эколого-правовых методов регулирования климатических рисков можно выделить несколько групп: административно-правовые методы (предписания, запреты, ограничения), экономические и фискальные инструменты (стимулы и платежи), рыночные механизмы, информационные методы, а также добровольно-договорные и инновационные подходы.

Административные методы включают запреты и ограничения, устанавливаемые государством для предотвращения опасного воздействия на климатическую систему. Запреты — самый жесткий инструмент: они полностью исключают определенные виды деятельности или использование веществ, признанных вредными для климата. Например, на международном уровне введен запрет на производство озоноразрушающих веществ (Монреальский протокол) — это косвенно способствует и климатической безопасности, поскольку многие из этих веществ являются сильными парниковыми газами. На национальном уровне примером запретительных мер может служить запрещение сжигания попутного нефтяного газа сверх установленных нормативов (введено в России с 2012 г.) — эта мера сокращает избыточные выбросы CO_2 и сажи. Отметим, что этот запрет соблюдается не везде из-за слабого контроля, что требует усиления надзора и увеличения штрафов.

Другой пример — запрет на вырубку лесов в водоохранных зонах и особо охраняемых природных территориях: такие леса выполняют климаторегулирующую функцию, и их сохранение важно для поглощения углерода. Запретительные меры эффективны, когда речь идет о однозначно опасных практиках, которых можно избежать при наличии альтернатив. Однако их применение требует строгого контроля и системы санкций, иначе запрет носит формальный характер. Кроме того, жесткие запреты могут вызывать сопротивление бизнеса и значительные экономические издержки, поэтому государству приходится тщательно оценивать пропорциональность подобных мер.

Стимулирующие меры направлены на то, чтобы сделать экологически устойчивое поведение экономически выгодным. Государство может предоставлять налоговые льготы для проектов и технологий, снижающих выбросы (например, снижение налога на прибыль для предприятий, внедряющих наилучшие доступные технологии по сокращению выбросов, или обнуление таможенных пошлин на импорт оборудования для ВИЭ — возобновляемых источников энергии). Субсидии и гранты — еще один инструмент: прямое финансирование из бюджета научно-исследовательских работ по климатическим технологиям, пилотных проектов по водородной энергетике, электромобилям, климатическим адаптационным мероприятиям в регионах. Государство может применять и косвенные стимулы: льготное кредитование или

гарантии для «зеленых» проектов снижают риски для частных инвесторов и привлекают капиталы в климатически значимые отрасли. Инструменты «зеленых» государственных закупок предполагают, что при закупке товаров и услуг для государственных нужд предпочтение отдается продукции с низким углеродным следом или произведенной по энергосберегающим стандартам — это формирует спрос на климатически чистые технологии на рынке. Все эти меры уже начинают применяться и в Российской Ф: создана так называемая Таксономия зеленых проектов, определяющая, какие инвестиции считаются экологически устойчивыми (включая климатически значимые направления), и коммерческие банки при поддержке государства выпускают облигации и кредиты под эти проекты с льготными условиями. Но, хотя Таксономия зеленых проектов принята, реальных инвестиций в «зеленые» технологии пока недостаточно из-за высокой капиталоемкости и длительных сроков окупаемости.

Эффективность стимулирующих мер подтверждается мировым опытом, демонстрируя, как интересы экологической безопасности могут совпадать с экономической выгодой. Однако это требует от государства достаточных ресурсов и развития финансовых механизмов.

Фискальные методы реализуют принцип «загрязнитель платит» посредством налогов и экологических платежей, таких как углеродный налог или акцизы на продукцию с высоким уровнем выбросов. Эти инструменты корректируют поведение предприятий и создают дополнительные средства для финансирования климатических мероприятий. Хотя в России специального углеродного налога пока нет, используются общие экологические сборы, а международные механизмы, такие как CBAM ЕС, стимулируют российский бизнес снижать выбросы, чтобы избежать внешних платежей.

Рыночные механизмы представлены торговлей квотами на выбросы, добровольными углеродными рынками и финансовыми инструментами, связанными с климатическими целями. Эти механизмы позволяют экономически эффективно снижать выбросы, вовлекая частные инвестиции. Россия ведет работу по созданию национального углеродного рынка, реализуя вышеупомянутый пилотный проект на Сахалине. Тем не менее пилот пока не стал драйвером снижения выбросов, так как квоты распределяются почти бесплатно, а спрос на них низкий.

Инновационные и добровольные подходы выражаются в новых форматах взаимодействия государства, бизнеса и общества, включая добровольные соглашения по достижению климатических целей, корпоративные ESG-стратегии и цифровые технологии для мониторинга и снижения выбросов. Государственные концессии и закупки также начинают включать климатические критерии, что способствует интеграции климатической повестки во все сферы деятельности.

Таким образом, климатическая безопасность в Российской Федерации обеспечивается через развитие эколого-правового регулирования, включающего разнообразные методы и инструменты. В российской практике уже установлены ключевые ориентиры (достижение углеродной нейтральности к 2060 г.), введены законодательные нормы об ограничении выбросов и механизмы адаптации. Однако масштаб проблемы требует непрерывного совершенствования существующих подходов.

Для повышения эффективности климатической политики необходимо:

1. Ввести национальный углеродный налог с постепенным повышением ставок.
2. Усилить контроль за отчетностью по выбросам, введя автоматизированные системы мониторинга.
3. Развивать международное сотрудничество с Китаем и странами БРИКС в области «зеленых» технологий.
4. Создать механизмы общественного контроля, включая право граждан подавать иски за невыполнение климатических обязательств.

Комплексное применение административных мер, экономических стимулов, рыночных инструментов и информационно-просветительских мер, а также активное

участие общества является залогом успешного противодействия климатическим рискам и устойчивого развития страны в условиях глобальных изменений климата.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алешкова И. А.* Международные и внутригосударственные принципы климатического права // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право : Реферативный журнал. — 2024. — № 1. — С. 44–57.
2. *Боголюбов С. А.* Актуальные проблемы экологического права : монография — М. : Юрайт, 2025. — 498 с.
3. Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути / Т. Митрова, А. Хохлов, Ю. Мельников [и др.]. — М. : Центр энергетики Московской школы управления «Сколково», 2020. — 69 с.
4. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2024 г. (Росгидромет). — М., 2025. — 104 с.
5. *Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г.* Эколого-правовое обеспечение климатической безопасности Российской Федерации : монография. — М. : Проспект, 2022. — 159 с.
6. Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. — СПб. : Наукоемкие технологии, 2022. — 124 с.

REFERENCES

1. Aleshkova IA. International and domestic principles of climate law. *Social Sciences and umanities: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*. 2024;1:44-57. (In Russ.).
2. Bogolyubov SA. Current Issues in Environmental Law. Moscow: Yurait Publ.; 2025. (In Russ.).
3. Mitrova T, Khokhlov A, Melnikov Yu, et al. The Global Climate Threat and the Economy of Russia: Exploring a Distinct Path. Moscow: Energy Center of the Moscow School of Management «Skolkovo» Publ.; 2020. (In Russ.).
4. Report on the Characteristics of the Climate in the Territory of the Russian Federation for 2024 (Roshydromet). Moscow; 2025. (In Russ.).
5. Zhavoronkova NG, Shpakovsky YuG. Ecological and Legal Framework for Climate Security in the Russian Federation. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
6. Third Assessment Report on Climate Change and Its Impacts in the Russian Federation: Executive Summary. St. Petersburg: High-Tech Innovations Publ.; 2022. (In Russ.).